

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА В ФОКУСЕ
КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОДХОДА**

Подвойская Наталия Леонидовна, кандидат политических наук, доцент

Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС»
119049, Российская Федерация, г. Москва, ул. Ленинский проспект, 4
E-mail: nlpodvoyskaya@gmail.com

В данной статье показаны возможность и необходимость исследования политической системы с помощью культурно-политического подхода. При этом рассмотрены также подходы к понятиям политической системы и политической культуры. Сделан вывод, что предложенный Г. Алмондом и С. Вербой принципиально новый подход к рассмотрению политических явлений, а именно политико-культурный, может быть эффективно использован именно при анализе различных политических систем.

Ключевые слова: политика, система, политическая система, политическая наука, политическая культура, политический менталитет, политический институт, общество, классификация, концепция

CULTURAL AND POLITICAL APPROACH TO THE POLITICAL SYSTEM

Podvoyskaya Nataliya L., Ph.D. (Political Science), Associate Professor

National University of Science and Technology “MISIS”
4 Leninskiy ave., Moscow, 119049, Russian Federation
E-mail: nlpodvoyskaya@gmail.com

Necessity and possibility of the political system study through the cultural-political approach are discussed in this article. The author of the article also examines the approaches to the concepts of political system and political culture. It is concluded that the fundamentally new approach to the political phenomena review, proposed by G. Almond and S. Verba, can be effectively implemented to the analysis of different political systems.

Keywords: politics, system, political system, political science, political culture, political mentality, political institution, society, classification, concept

Очевидно, что для глубокого и адекватного понимания политики в современном мире ключевым является понятие «система». В силу этого политологию можно определить не просто как науку о политике, но как науку о сущности, формах, методах и закономерностях возникновения, функционирования и развития политических систем.

По мнению известного советского и российского политолога Ф.М. Бурлацкого (4.01.1927 – 26.02.2014), под политической системой обычно понимается относительно замкнутая система, которая обеспечивает интеграцию всех элементов общества и само его существование как единого организма, централизованно управляемого политической властью, сердцевину которого составляет государство. При таком понимании политическая система включает в себя политические институты – государство, право, политические партии и организации и пр. – а также систему коммуникаций, связывающих членов общества и социальные группы с политической властью. Конкретно политическая система представляет собой одну из подсистем общества (наряду с такими его подсистемами, как социально-экономическая, социально-культурная, личностная и др.) и играет основную роль в мобилизации ресурсов общества на достижение выдвигаемых им или его частью целей с помощью политической власти.

Ф.М. Бурлацкий обращает также внимание на две важнейшие особенности политической подсистемы, в отличие от других подсистем, с точки зрения ее социальных функций и ролей. Первая особенность – политическая система, наряду с другими социальными системами, решает такие задачи, как интеграция общества, определение его

целей и задач в решении конкретных экономических, культурных и иных проблем и т.п. Вторая – политическая система владеет монополией на государственное принуждение в масштабах всего общества и располагает для этого специализированным аппаратом, и лишь она имеет в своем распоряжении особый *механизм* политической власти и принуждения, действующий в рамках всего общества [3, с. 76–77].

Известно, что термин «система» в научный оборот был введен австрийским биологом Л. фон Бергаланфи; для рассмотрения общества и общественных отношений понятие «система» впервые применил американский социолог Т. Парсонс; в политическую науку термин «система» ввел американский политолог Д. Истон. Более того, именно он вместе с другими американскими учеными – Г. Алмондом и К. Дойчем – является автором классической теории «политической системы».

По мнению О.Ю. Малиновой, именно теория политических систем, которую можно назвать базисом сравнительно-политических исследований 1960-х гг., стала основным методологическим импульсом для разработки концепции политической культуры. Очевидно, что политическая система, которая понимается как целостная совокупность институтов и отношений, связанных с функционированием власти, не конституируется одним набором властных институтов. И ценности, и стереотипы, и традиции, сложившиеся в обществе, накладывают отпечаток на реализацию власти. Именно они задают системе цели, обеспечивают ее целостность, определяют характер связей между властью и обществом [10, с. 8].

В свое время Г. Алмонд выделил два уровня анализа политической системы: 1) институциональный, предполагающий исследование институтов и их функций, норм и механизмов формирования государственной политики; 2) ориентационный, выражающий особые формы ориентации населения на политические объекты.

Для реализации второго Г. Алмондом и было введено понятие «политическая культура», определенное им как «специфический образец ориентаций к политическому действию» [17, pp. 391–409].

В качестве других основных методологических предпосылок возникновения данного подхода некоторые ученые выделяют следующие: 1) внедрение системного подхода и активное использование понятия «политическая система» (Д. Истон); 2) нарастание интереса к изучению политического поведения; 3) обращение к изучению «жизненных» аспектов и проявлений политики (Р. Лейн) [9, с. 261].

Как справедливо отмечают отечественные исследователи В.Н. Васич и А.А. Ширинянц, проникновение в политическую науку концепции культуры классически демонстрирует опыт американской политологии, где этот процесс протекал двумя путями: 1) как стремление определять политические явления в психокультурных терминах, объясняющееся экспансией психоанализа в послевоенной Америке. Такой путь, по мнению Р.С. Такера, можно обозначить как «психокультурное теоретизирование»; 2) как реакция на подобное «теоретизирование», склонное рассматривать политическую жизнь общества в качестве простого продолжения или воспроизведения моделей семейного опыта, преобладающих в той или иной культуре, предпринимались неоднократные попытки концептуального осмысления политической культуры как особой, автономной части культуры общества. Наиболее характерным примером в этом плане является творчество американского политолога Габриэля Алмонда [4, с. 53–54].

В своей работе «Гражданская культура. Политические установки и демократии пяти наций» Г. Алмонд отмечает, что его сравнительное исследование было бы вряд ли возможным «без предварительной работы историков, социальных философов, антропологов, социологов, психологов и психиатров, которые обозначили проблему отношения между психологическими и политическими характеристиками нации. В частности, большое влияние на данное исследование оказали «культурно-личностные», или «психокультурные», исследования политических феноменов» [1, с. 122–134].

Важно подчеркнуть, что политическая наука середины XX в. характеризуется активным развитием компаративистики в политологии, что также послужило толч-

ком к изучению феномена политической культуры. Большой вклад в становление компаративистики внесли, прежде всего, западные исследователи: Г. Алмонд, С. Верба, Д. Истон, Р. Макридис, Р. Арон, М. Дюверже, Ч. Рэгин, М. Шугарт, Д. Кэрн, А. Лейпхарт, С. Хантингтон, П. Шаран и ряд других [15, с. 55–60].

Одними из главных вопросов, волновавших компаративистов, были вопросы о том, почему одни и те же политические системы и институты совершенно по-разному работают в разных странах, и почему некоторые, будучи перенесенными на другую почву (например, из Америки в Азию), могут не работать вообще? Выяснилось, что причинами этому выступали культурные особенности стран. Получалось, что политические системы и институты функционируют должным образом только в том случае, если они встроены в адекватный им культурный контекст, а действующие в их рамках субъекты обладают соответствующими культурными характеристиками [2, с. 8].

Следует заметить, что в качестве одного из важнейших инструментов исследования политических процессов и феноменов стала использоваться концепция политической культуры. Это понятие получило широкое признание в зарубежной и отечественной литературе. Определений политической культуры довольно много и, разумеется, среди исследователей полного единства по этому вопросу не было, нет и вряд ли его можно достичь.

Например, В.А. Гуторов считает, что из многочисленных характеристик политической культуры, представленных в современной научной литературе, наиболее предпочтительным выглядит ее «элементарное» определение, данное Г. Алмондом и Дж. Пауэллом, как «структуры индивидуальных позиций и ориентаций в отношении политики среди членов политической системы», т.е. обозначающее ту субъективную, состоящую из познавательных, аффективных и оценочных предпочтений сферу, которая лежит в основе и дает смысловую направленность всем политическим действиям [8, с. 431].

По мнению Ф.М. Бурлацкого, политическая культура – это уровень знаний и представлений различных слоев общества и индивидов о власти и политике, это политические ценности, ориентации и навыки, непосредственно влияющие на политическое поведение [3, с. 315]. Сравнение двух этих определений показывает, что при имеющем место совпадении в своей глубинной сущности, они имеют и некоторые различия, что представляется вполне естественным.

Как заметил один из родоначальников исследований политической культуры, американский политолог Л. Пай, «сам термин "политическая культура" способен порождать быстрое интуитивное понимание, так что людям часто кажется, будто они и без дальнейшего уточнения могут проникнуть в его смысл и пользоваться им». Но именно эта доступность служит сигналом «серьезной опасности, когда данное понятие пытаются применить в качестве "недостающего звена", восполняющего то, что не может быть объяснено посредством политического анализа» [20, pp. 204].

Причина такой сложности при изучении политической культуры, как справедливо считает О.В. Гаман-Голутвина, заключается в сущностной и структурно-функциональной многогранности и многоаспектности этого феномена, представляющего собой противоречивое сочетание разнокачественных начал, характеристик, свойств, а не в несовершенстве инструментария [7, с. 182–185]. Согласимся с исследователем в том, что эта многогранность как раз и предстает основанием формирования столь разнообразных (как методологически, так и методически) подходов к анализу политической культуры.

Представляется, что заслуга американских ученых Г. Алмонда и С. Вербы во многом заключается в том, что они предложили принципиально новый концептуальный, а именно политико-культурный подход к пониманию политической культуры. Этот подход существенно отличался от распространенных в те годы теоретико-методологических подходов, в которых основное внимание уделялось структуре и функциям политических систем, институтов и агентств, их влиянию на политику. Их новаторство состояло в предложении изучать как институциональные, функциональные и формально-

юридические черты политических систем, так и политические ценности, мотивации, ориентации субъектов политики и индивидов [12, с. 16].

Таким образом, «предложенный концепт явился своеобразным мостом, связавшим макро- и микроуровни социально-политических исследований» [14, с. 90], а политико-культурный подход, исходящий из признания влиятельности политико-культурных характеристик общества, одной из наиболее важных из которых выступает менталитет, – способом преодоления ограниченности институционального подхода в социально-политических исследованиях.

Так как внимание представителей нового концептуального подхода было обращено к культурным характеристикам общества, они предприняли попытку поставить в центр политологических исследований человека с его заботами, интересами, эмоциями, стереотипами, мифами и т.д.

Этот подход явился следствием «бихевиористской революции», которая развернулась в американской политологии во второй половине 50-х и особенно 60-е гг. XX в. Новый подход стал использоваться применительно к анализу политической системы общества в целом, так как она (система) глубоко укоренена в его политической культуре, которая, в свою очередь, является частью культуры в широком смысле, существующей отдельно от других культур и обладающей известной независимостью [5, 13].

В основе политико-культурного анализа лежал метод поиска культурных оснований в прошлом, который его создатель Дэниел Элазар назвал методом «культурной геологии». Он утверждал, что политические культуры и субкультуры являются результатом очень конкретных социально-культурных различий между народами. Такие различия могут быть обнаружены внутри того, что обычно считается единой национальной группой, так же часто, как и между разными группами [19]. В основе такой дифференциации лежат базовые ориентации, являющиеся компонентами политической культуры: ориентация в отношении политической организации, гражданского общества, политики, политического действия и политической экономики. Совокупность этих ориентаций образует политико-культурный пятиугольник (*political cultural pentagon*) [19].

Г. Алмонд, полагая вслед за представителями структурного функционализма американскими социологами Т. Парсонсом и Э. Шилзом, что культура, будучи полифункциональным феноменом, не может быть однозначно идентифицирована с любой конкретной системой действий, доказывал, тем не менее, что политическая культура связана с «эмпирически заметным поведением». Заметим, что в данном суждении он опирался на работу Г. Лассуэлла, которая была посвящена психологическим измерениям политического поведения.

Примечательно, что в то время как Г. Лассуэлл считал вполне возможным функционирование политических систем совершенно независимо от субъективных ориентаций индивидов, Г. Алмонд, напротив, утверждал, что исследование их субъективно-психологических предпочтений позволит лучше понять развитие общества в его совокупности, ибо характер всего политического процесса в целом зависит от верований, чувств и настроений многих людей, в нем участвующих [11, с. 36–52].

Как подчеркивают некоторые исследователи, в сравнительных политологических исследованиях к середине XX в. возникает существенная проблема в анализе политических систем. Здесь, прежде всего, речь идет о европейском политическом опыте 1930-х гг. (крушение Веймара и приход нацистов к власти в Германии, практика тоталитарных режимов), который бросал достаточно серьезный вызов прогрессистским либеральным и марксистским теориям. К примеру, возникли концепции, чрезмерно психологизирующие политику и культуру, описывающие при этом политическую практику в терминах семейной структуры, детской социализации и т.п. [18, pp. 14–15].

Кроме того, существующие классификации политических систем оказались не вполне удовлетворительными. Трудности, которые возникли в связи с этим и встали перед исследователями, Г. Алмонд предложил разрешить с помощью четырехчлен-

ной классификации политических систем: «Англо-американские (включая некоторых членов Содружества), континентально-европейские (исключая Скандинавию и Бенилюкс, которые соединяют некоторые черты континентально-европейской и англо-американской), доиндустриальные или частично индустриальные политические системы за пределами европейско-американского пространства, и тоталитарные политические системы» [17, pp. 392–393].

Данная классификация, по характеристике Г. Алмонда, должна была служить целям «сегодняшнего дня» и следовала из социологических концепций, вскрывая существенные различия между политическими системами. Термины и основные понятия, которыми он пользуется при анализе политических систем, были взяты из веберовско-парсонской традиции социальной теории, в соответствии с которой политическая система:

- во-первых, рассматривалась как система деятельности;
- во-вторых, анализировалась именно как система, как некоторое «изменяющееся равновесие»;
- в-третьих, базовым элементом политической системы признавалась социальная роль;
- в-четвертых, как отмечал Г. Алмонд, «каждая политическая система основывается на совокупности смыслов и целей».

Мы говорим об «установках по отношению к политике», «политических ценностях», «идеологиях», «национальном характере», «культурном этосе». Трудности с этими терминами связаны с их размытостью и неопределенностью. Понятия ориентации в отношении деятельности и эталонные переменные удобны, т. к. они, по крайней мере, стремятся к логической четкости и полноте» [2, pp. 396].

Именно последнее и стало ключевым в предложенной аналитической модели. Акцентируя на этом обстоятельстве свое внимание, Г. Алмонд писал: «Каждая политическая система основывается на определенном образце ориентаций на политическую деятельность. Я обнаружил, что это удобно означать как политическую культуру» [17, pp. 396].

Вслед за Т. Парсонсом и Э. Шилзом Г. Алмонд вводит три компонента ориентации на деятельность и в отношении политики: познание, предпочтение (аффект, катексис), оценка. Подчеркнем, что выделенные компоненты довольно удачно отражают существо процесса данной ориентации, поэтому вполне закономерно, что большинство исследователей до сих пор рассматривают политическую культуру именно как совокупность этих элементов.

Таким образом, получается, что политическая культура не совпадает с политической системой, она задает ей внутреннее основание функционирования на индивидуальном и групповом уровне. Вполне естественно, что это основание может действовать и за ее пределами. Мы считаем, что заслуживает внимания точка зрения Н.С. Федоркина, согласно которой, политическая культура включена в механизм взаимодействия гражданского общества и институтов политической системы. Политическая культура, по его мнению, является подсистемой политической системы [16, с. 35].

Представляется, что различные политические системы могут иметь схожие (или даже одинаковые) политические культуры, как, например, США и Англия. Возможен и обратный эффект, т.е. логично предположить, что различные политические культуры могут существовать в условиях одинаковых политических систем.

Подводя итоги анализа политико-культурного подхода, заметим, что изначально термин «политическая культура» был введен Г. Алмондом как вспомогательный инструмент для изучения политических систем. Изучение же политических культур не было главной и конечной целью: политические культуры сравнивались и анализировались для внесения ясности и дальнейшего исследования особенностей формирования и функционирования того или иного типа политических систем.

Отечественный политолог К.С. Гаджиев [6] верно отмечает, что политико-культурный подход интегрирует методы социологии, социокультурологии, нацио-

нальной психологии и новейших методов исследования социальных и политических установок людей в единый междисциплинарный подход. Таким образом, очевидно, что при использовании этого метода мы получаем возможность полнее и глубже понять реальные механизмы и закономерности реализации политических процессов.

Нельзя не отметить, что отечественные политологи, как нам представляется, почти всегда отрицают большую значимость существующих разработок по этой теме для России, считая ее страной настолько своеобразной, что она не может и не должна быть описана ни одной из предложенных концепций.

Мы позволим себе не согласиться с таким подходом в принципе, исходя из следующих соображений. Безусловно, Россия – страна, уникальная и неповторимая в своем социально-экономическом и политико-культурном плане, страна, стоящая «на стыке» Запада и Востока, но это отнюдь не означает, что следует однозначно отрицать применимость западных концепций политической культуры для анализа социально-политической жизни нашей страны.

В то же время, нельзя не иметь в виду и ту двойственную роль, которую играет государство в постсоветской России. В результате этого имеет место закономерное и объяснимое несовпадение результатов государственной политики с ожиданиями основной массы граждан, на что обращает внимание В.А. Гуторов. В силу такого положения вещей, утверждает он, российская политическая культура не может не оставаться конфликтной, будучи не только диаметрально противоположной традициям, сложившимся в Западной Европе и США, но и значительно отличаясь от той эволюции политического менталитета, которую мы наблюдаем в странах Восточной Европы [8, с. 432].

Тем не менее, можно смело утверждать, что предложенный Г. Алмондом и С. Вербой принципиально новый подход к рассмотрению политических явлений, а именно политико-культурный, может быть эффективно использован именно при анализе различных политических систем, включая и ту, которая сложилась в современной России.

Список литературы

1. Алмонд Г. Гражданская культура и стабильность демократии / Г. Алмонд, С. Верба // *Полис*. – 1992. – № 4. – С. 122–134.
2. Баталов Э. Я. Политическая культура России сквозь призму civic culture / Э. Я. Баталов // *Pro et Contra*. – Лето 2002. – Т. 7, № 3. – С. 7–22.
3. Бурлацкий Ф. М. О политической науке: избранные произведения / Ф. М. Бурлацкий. – Москва : Московский государственный университет, 2013. – 328 с.
4. Васич В. Н. Политика. Культура. Время. Мифы / В. Н. Васич, А. А. Ширинянц. – Москва : Диалог-МГУ, 1999. – 129 с.
5. Войтенко В. П. Политическая культура россиян: особенности современной трансформации (социологический анализ) / В. П. Войтенко. – Москва : Москва – Санкт-Петербург, 2004. – 276 с.
6. Гаджиев К. С. Политическая наука / К. С. Гаджиев. – Москва : Международные отношения, 1994. – 400 с.
7. Гаман-Голутвина О. В. Политическая культура как компонент культуры / О. В. Гаман-Голутвина // *Теоретическая культурология*. – Москва : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2005. – 624 с.
8. Гуторов В. А. Политика: наука, философия, образование / В. А. Гуторов. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет, 2011. – 516 с.
9. Демидов А. И. Политология : учебник / А. И. Демидов, В. М. Долгов, А. В. Мальков. – Москва : Гардарики, 2005. – 319 с.
10. Малинова О. Ю. Исследования политической культуры : учебное пособие / О. Ю. Малинова. – Москва : Московский институт электронной техники, 2002. – 76 с.
11. Петро Н. О концепции политической культуры, или Основная ошибка советологии / Н. Петро // *Полис*. – 1998. – № 1. – С. 36–51.
12. Подвойская Н. Л. Концепт политического менталитета в американской политологии второй половины XX века : автореферат дисс... канд. полит. наук / Н. Л. Подвойская. – Москва : Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2009. – 154 с.

13. Политическая культура: теория и национальные модели / В. С. Ажаева, Е. В. Ананьева, К. С. Гаджиев и др. – Москва : Интерпракс, 1994. – 351 с.
14. Рукавишников В. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения / В. Рукавишников, Л. Халман, П. Эстер. – Москва : Совпадение, 1998. – 368 с.
15. Сумбатян Ю. Г. Сравнительная политология как направление современной науки о политике / Ю. Г. Сумбатян // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Политология. – 2004. – № 1 (5). – С. 55–60.
16. Федоркин Н. С. Политическая культура и коррупция: грани совместимости / Н. С. Федоркин // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – Июль-сентябрь 2008. – № 3. – С. 35–47.
17. Almond G. A. Comparative Political Systems / G. A. Almond // Journal of Politics. – 1956. – Vol. 18, no. 3. – Pp. 391–409.
18. Almond G. A. The Study of Political Culture / G. A. Almond // Political Culture in Germany. – London, 1993. – Pp. 5–21.
19. Elazar D. J. Globalization Meets the World's Political Cultures / D. J. Elazar. – Available at: <http://www.jcpa.org/dje/articles3/polcult.htm>.
20. Pye L. W. Political Culture / L. W. Pye // International Encyclopedia of the Social Sciences. – 1968. – Vol. 12. – Pp. 218–225.

References

1. Almond G., Verba S. Grazhdanskaya kultura i stabilnost demokrati [Civil Culture and Stability of Democracy]. *Polis* [Policy], 1992, no. 4, pp. 122–134.
2. Batalov E. Ya. Politicheskaya kultura Rossii skvoz prizmu civic culture [Russian political culture through the prism of civic culture]. *Pro et Contra*, Summer 2002, vol. 7, no. 3, pp. 7–22.
3. Burlatskiy F. M. [On Political Science], Moscow, Moscow State University Publ., 2013. 328 p.
4. Vasich V. N., Shirinyants A. A. *Politika. Kultura. Vremya. Mify* [Policy. Culture. Time. Myths], Moscow, Dialog-MGU Publ., 1999. 129 p.
5. Voytenko V. P. *Politicheskaya kultura rossiyan: osobennosti sovremennoy transformatsii (sotsiologicheskii analiz)* [Political Culture of Russians: features modern transformation (sociological analysis)], Moscow, Moskva – Sankt-Peterburg Publ., 2004. 276 p.
6. Gadzhiev K. S. *Politicheskaya nauka* [Political Science], Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1994. 400 p.
7. Gaman-Golutvina O. V. Politicheskaya kultura kak komponent kultury [Political culture as a component of the culture]. *Teoreticheskaya kulturologiya* [The theoretical Culturology], Moscow, Academic Project Publ. ; Ekaterinburg, Business Book Publ., 2005. 624 p.
8. Gutorov V. A. *Politika: nauka, filosofiya, obrazovanie* [Policy: science, philosophy, education], Saint-Petersburg, Saint-Petersburg State University Publ. House, 2011. 516 p.
9. Demidov A. I., Dolgov V. M., Malkov A. V. *Politologiya* [Political Science], Moscow, Gardariki Publ., 2005. 319 p.
10. Malinova O. Yu. *Issledovaniya politicheskoy kultury* [Studies of political culture], Moscow, Moscow Institute of Electronic Technology Publ. House, 2002. 76 p.
11. Petro N. O kontseptsii politicheskoy kultury, ili Osnovnaya oshibka sovetologii [On the Concept of Political Culture, or The Basic Error of Sovietology]. *Polis* [Policy], 1998, no. 1, pp. 36–51.
12. Podvoyskaya N. L. *Kontsept politicheskogo mentaliteta v amerikanskoj politologii vtoroy poloviny XX veka* [Concept political mentality in American political science of the second half of the XX century], Moscow, M. V. Lomonosov Moscow State University Publ. House, 2009. 154 p.
13. Azhaeva V. S., Ananeva Ye. V., Gadzhiev K. S., et al. *Politicheskaya kultura: teoriya i natsionalnye modeli* [Political Culture: Theory and national models], Moscow, Interpraks Publ., 1994. 351 p.
14. Rukavishnikov V., Khalman L., Ester P. *Politicheskie kultury i sotsialnye izmeneniya. Mezhdunarodnye sravneniya* [Political culture and social change. International comparisons], Moscow, Sovpadenie Publ., 1998. 368 p.
15. Sumbatyan Yu. G. Sravnitel'naya politologiya kak napravlenie sovremennoy nauki o politike [Comparative Political Science as the direction of modern science of politics]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya : Politologiya* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science], 2004, no. 1 (5), pp. 55–60.
16. Fedorkin N. S. Politicheskaya kultura i korruptsiya: grani sovmestimosti [Political culture and corruption: verges of compatibility]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i*

politologiya [Bulletin of Moscow University. Series 18 Sociology and Political Science], July-September 2008, no. 3, pp. 35–47.

17. Almond G. A. Comparative Political Systems. *Journal of Politics*, 1956, vol. 18, no. 3, pp. 391–409.

18. Almond G. A. The Study of Political Culture. *Political Culture in Germany*, London, 1993, pp. 5–21.

19. Elazar D. J. Globalization Meets the World's Political Cultures. Available at: <http://www.jcpa.org/dje/articles3/polcult.htm>.

20. Pye L. W. Political Culture. *International Encyclopedia of the Social Sciences*, 1968, vol. 12, pp. 218–225.